

КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕСТА ОТСЫЛКИ БОЛЕЗНИ В РУССКИХ И БОЛГАРСКИХ ЛЕЧЕБНЫХ ЗАГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМУЛ)

С. И. Доброва

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 28 августа 2017 г.

Аннотация: в статье на материале русских и болгарских лечебных заговоров исследуется кросскультурная специфика формулы характеристики места отсылки болезни, организованной на основе принципа параллелизма макро- и микрокосма: разработана типология субъектов и функциональных компонентов, определена специфика их соотношения, выявлены симметричные и асимметричные модели организации параллелистической формулы.

Ключевые слова: кросскультурная лингвофольклористика, заговор, формула отсылки болезни, параллелизм макро- и микрокосма.

Abstract: the article, using the Russian and Bulgarian healing charms, studies the cross-cultural specific feature of formula of the location character of sending a disease, based on the principle of parallelism of macro- and microcosm: typology of subjects and functional components is developed, specification of their correlation is defined, symmetrical and asymmetrical models of parallelistic formula are revealed.

Key words: cross-cultural linguistic study of folklore, charm, formula of sending a disease, parallelism of macro- and microcosm.

Формула отсылки болезни неоднократно подвергалась научному исследованию [1-13 и др.], однако в фокус исследовательского внимания до сих пор не был включен вопрос о роли параллелизма макро- и микрокосма в организации формулы в ее кросскультурной проекции. Параллелизм как прием художественного мышления связан с работой ассоциативной памяти, фиксирующей «множество одновременно происходящих событий» [14, 40]. Параллелизм как художественный прием организации фольклорного текста воплощает в образно-символической, знаковой форме результаты механизма ассоциативного связывания (и перцептивного, и символического) отождествляемых человеческим сознанием аналогичных явлений двух миров. Результаты действия указанного мыслительного механизма на уровне художественного приема организации фольклорного произведения фиксируются в двучастной организации текста: явления макромира запечатлеваются в одной части приема и детально сопоставляются с явлениями микромира, представленными в другой части приема, что порождает особый культурный смысл. Термином параллелистический анализ предлагаем обозначить метод структурного и содержательного расчленения формульных явлений на параллельно организованные составные части (компоненты), репрезентирующие кванты культурного смысла в их единовременном,

вариативном воплощении в концептуальном и языковом материале макро- и микромиров.

Материалом исследования послужили авторитетные в научном отношении собрания русских и болгарских заговоров одного хронологического периода в записях второй половины XIX–XX веков. Обработка 4000 лечебных заговоров двух традиций в отношении сбора данных по параллелистической формуле отсылки болезни продемонстрировала ее значительную кросскультурную специфику.

Инвариантная модель формулы в обеих традициях включает в себя пять компонентов: *субъект, функция, объект, локус и его характеристика* [15, 6-17], каждый из которых может быть реализован на основе параллелизма.

В настоящей статье сосредоточим внимание на *характеристике локуса изгнания* и мотивируем это следующими положениями.

Во-первых, локус изгнания наряду с сакральным центром является одним из не-своих миров в трехуровневом мироустройстве — верхний, средний и нижний миры: один свой (к которому принадлежит субъект заговора — мир природы и мир человека) и два не-своих мира — локус власти (сакральный центр) и локус изгнания. Хаотичность, безличность и негативная экспрессивность локуса изгнания в противопоставлении структурированности, уникальности и нейтральности сакрального центра [1, 590] делает локус изгнания самым «напряженным» и непознанным участком заговорного универсума.

При этом ведущим способом взаимодействия своего мира с не-своими мирами наряду с концептом пути становится характеристика неведомых не-своих миров. Во-вторых, в заговоре игнорируется идея пути [1, 579], значимы начальная точка (недостача) и финальная точка (ликвидация недостачи), отрезки же пути между этими вехами отсутствуют. Поскольку важен не путь, а цель, особое значение приобретает не только указание конечной точки пути, но и анализ ее характеристик, которые фактически определяют критерии соответствия данного локуса целевой установке заговора уничтожить болезнь. В-третьих, в характеристике неведомого человеку места изгнания в связи с необходимостью его маркировки данными других миров наиболее полно, разнообразно и последовательно, по сравнению с другими компонентами формулы, представлен принцип параллелизма макро- и микрокосма.

Концепт места отсылки в обеих славянских традициях — *особое место, имеющее особые характеристики и особое предназначение*. Родовое обозначение в русских заговорах — пустое, темное место [21, № 128], в болгарской традиции — пустое, пустынное место [6, № 1]. Тем не менее, характеристики локуса представляют две его разновидности: *пустой мир* (безопасный для человека) и *наполненный мир* (привлекательный для болезни).

Неопределенность локализации болезни иконически представлена в структуре параллелизма особыми знаками: география мест отсылки разнообразна, многовекторна и фактически охватывает вертикаль и горизонталь мира. Непосредственный маршрут движения обозначен в максимально условном и обобщенном виде: по горизонтали — в самое отдаленное место, по вертикали — вглубь или ввысь. Неопределенность денотата объясняет тот факт, что «пространство, приписываемое болезни, не только локализуется, но и имеет свои характеристики» [11, 321]. Главную роль в репрезентации локуса отгона играет параллелизм его специфических характеристик, которые отличаются большей определенностью и константностью, нежели указатели самих локусов.

Развернутая характеристика места отсылки с привлечением образов различных миров макро- и микрокосма вводится двумя способами, каждый из которых может быть основан на отрицании или утверждении: в параллелистической формуле «где (на которой//куда)... не...» и в формуле классического параллелизма.

Параллелистическая формула «где... не...» разнообразно представлена в обеих традициях и формируется на основе тождественной структурной организации придаточных частей сложноподчиненного предложения с однородным соподчинением: ...подите под пень, под колоду ..., где ветра не вьнут, где люди не заглянут..., где на конях не ездят, пеше-

ходы не ходят [22, № 132]; ...дж гу ржспрати пу пусти гори Гжлилеи, *дету дъацж ни кржштавжт, дету пител ни пеж, дету уфца ни блеж, дету куче ни лаа* [... пусть разбросает по пустым лесам Галилеи, где детей не крестят, где петух не поет, где овца не блеет, где собака не лаает] [26, № 102]. В обеих традициях характеристика может быть оформлена на основе классического параллелизма: ...там люди не ходят, птицы не летают [24, № 34]; Тамо има добжр иунак с вран кон, с синьо седло, с срамница капа, с зелен венец; тамо ie Божья маика; свадба запрвила [Там добрый молодец на вороном коне, на синем седле, в парчовой шапке, в венке зеленом; Там и Матерь Божья свадьбу играет] [26, № 234]. Из двух содержательно сходных формул в обеих традициях доминантной (наиболее частотной и разнообразно представленной) является та, в которой символические и реальные образы, характеризующие место изгнания, размещены в синтаксически зависимых частях формулы «где... не...», что иконически отражает стремление заговаривающего изгнать болезнь, подчинить их своей воле и обезвредить.

Месту изгнания дается разноаспектная характеристика, используются маркеры различных миров, что и формирует параллелистическую формулу, основу которой составляют характеризующие место изгнания актантные и функциональные компоненты. Формула отличается абсолютной стабильностью структуры, которая служит иконическим знаком постоянства характеристик: субъект, его функция с отрицанием или без отрицания, реже — приглагольные компоненты с обстоятельственным или объектным значением. Константность, отшлифованность и однозначность формы и содержания являются показательным материалом для осмысления знаковой природы фольклорных формул.

Исследование кросскультурного аспекта заговорной параллелистической формулы характеристики места отсылки болезни предполагает разработку типологии субъектов и функциональных компонентов, определение специфики их соотношения в частях формулы.

Типология субъектов отличается рядом особенностей. Для проводимого исследования значимыми явились представленные в трудах Т. Н. Свешниковой [6, 147-149], Т. А. Агапкиной [1, 122-130], И. Ф. Амроян [28, 13-14] данные о субъектах формулы «где... не...». Однако в указанных списках субъекты распределены по тематическим группам без учета их принадлежности к тому или иному миру, поэтому, к примеру, объекты деятельности человека (*где цветков не сажают*) относятся не к миру человека, а к миру природы [6, 149]. В связи с этим возникает необходимость разработать типологию субъектов, систематизированных с учетом репрезентации на их основе различных миров. В функции субъекта выступают персонажи нескольких миров: в русской

традиции — мира природы, мира человека, православного мира и перевернутого мира преисподней, отсутствует мир болезни; в болгарской — мира природы, мира человека, православного мира, мира болезни, отсутствует мир преисподней.

Русские заговоры. Мир природы: *скотина, конь, собака, петух, цыплята; птицы, звери, волк; солнце, месяц; ветер; вода, ручей; трава*. Мир человека: *человек, люди, никто, девица, молодец, глаз человеческий*. Православный мир: *Бог*. Перевернутый мир: *черт и чертиха (дьявол и дьяволица)*.

Болгарские заговоры. Мир природы: *петел (петух), кокошка (курица), пиле (цыпленок), коти (коты), куче (собака), магаре (осел), офца (овца), кози (козы), крава (корова), бик (бык), бивол (буйвол), вол (вол), кон (конь), ягенца (ягнята); пиле (птица), сврака (сорока), гарван (ворон), кукавица (кукушка), дивъач (дикие звери), вълци (волки), мечка (медведь); слънце (солнце), месечина (месяц); вода (вода); дърво (дерево), трева (трава)*. Мир человека: *човек (человек), хора (люди), никои (никто), момък (юноша), моми (девки), чабан (овчар); домашние занятия и звуки, маркирующие культурную деятельность человека — пилета неведжт (кур не разводят), колач не меса (хлеб не месят), турта не меса (пресную лепешку не месят), камин не кади (очаг не дымит), рабои не ткае (стан не ткет), манара не сече (топор не рубит), клепало не клепа (клепало не бьет), бухалка не буха (молот не стучит), тупан не тупа (барабан не бьет), свирка не свири (свирель не звенит), ноштови не хлопат (квашни не скрипят), огрипка не чегърта (скребки не скребут), кавал не свири (пастушья труба не играет), бухалка не буха (валек для белья не бьет); земледелие — рало не оди (соха не пашет); православные обряды — на цъква не ида (в церковь не ходят), дъаца ни кржштавжт (детей не крестят), сж млади ни венчавжт (молодых не венчают)*. Мир православных реалий: *Божя маика (Матерь Божья), Свъжта Врачови (Святой Целитель), Свъжта Кузман Дамъан (Святой Кузьма и Дамьян), седумдесе апостоли (семьдесят апостолов), двенаесе пръстоле (двенадцать престолов)*. Мир болезни: *родственники и близкое окружение болезни — татко (отец), майка (мать), сестрите (сестры), бракъкъето (братья), посестримите (подруги)*.

В обеих традициях доминирует мир природы. В болгарской традиции в мире природы более разнообразно представлена группа домашних животных, в мире человека детализированы домашние занятия, земледельческие работы, православные обряды. В мире православных реалий в русской традиции присутствует *Бог*, в болгарской представлен *сонм святых*. В русских заговорах репрезентирован мир преисподней, в болгарских введены персонажи мира болезни.

Типология функциональных компонентов также имеет ряд особенностей. Основу исследования ме-

ханизмов формирования параллелистических формул составила категориальная классификация глаголов (семь базовых компонентов глагольного ряда (ГР), представленная в трудах Е. Б. Артеменко и ориентированная автором на другие цели [16, 26-31] (см. также [17, 25-38]). Показатель частотности реализаций в формуле лексем ГР позволяет выявить *полевою модель их организации* как способ функционирования и группировки лексем ГР с *общими, инвариантными* свойствами. В полевой модели вычленяются ядерные и периферийные глагольные компоненты, которые неодинаково коррелируют с различными мирами.

На ядерном уровне в обеих традициях в представлении всех миров доминируют глаголы движения и бытия (ГР-1): ...где люди *не ходят* и скот *не бродит* [23, № 168]; ...дету *слжнци ни изгръава*, дету *гадини ни одъат* [...где солнце *не греет*, где живые существа *не ходят*] [26, № 13], для мира природы характерны глаголы звуковых воплощений его представителей, условно речевой деятельности (ГР-7): *собаки не лают* [23, № 161]; *фтичка ни пей* [птички *не поют*] [26, № 14].

На периферийном уровне глагольные компоненты макро- и микромиров в обеих традициях дифференцируются. В русских заговорах для мира человека также характерны глаголы восприятия (ГР-3): *люди не заглянут* [22, № 132], физического действия и взаимодействия (ГР-4): *человек топором не рубит* [23, № 101]; для православного мира — глаголы восприятия (ГР-3): *Богъ единъ презираетъ* [20, 209, № 46; 18, 102-109]; для перевернутого мира — безглагольные конструкции (ГР-0): *...кум с кумой (черт с чертихой), где брат с сестрой* [23, № 3]. В болгарских заговорах для мира человека характерна *большая детализация глаголов физического действия и взаимодействия (ГР-4) в части домашних занятий, земледельческих работ и исполнения православных обрядов*: *пилета неведжт (кур не разводят)* [26, № 1], *рало не оди (соха не пашет)* [26, № 100], *дъаца ни круштавут (детей не крестят)* [27, 1893/9, 139]; для характеристики православного мира используются глаголы физического действия и взаимодействия (ГР-4): *...тамо ие Божья маика свадба запрвила* [Там и Матерь Божья *свадбу справила*] [26, № 234]; в характеристике этих миров не выявлены глаголы восприятия (ГР— 3).

В обеих традициях в качестве функциональных компонентов формулы не используются глагольные лексемы со значением «каузировать перемещение или положение предмета в пространстве» (ГР-2), со значением эмоционального состояния и эмоционального воздействия (ГР-5) и со значением мыслительной деятельности, состояния сознания (ГР-6).

В целом придание месту изгнания *двойственной* характеристики (безопасное для человека и привлекательное для болезни) прежде всего свойствен-

но болгарским заговорам. Привлекательность обусловлена наполненностью мира и присутствием в нем родственников болезни и святых: ...да понеш в пустата гора, в пушиньнето и дълбиньнето... Там има енна ста-а-а-ра-стара воденица — паратисана! Там са татко ти, майка ти, сестрите ти, бракъкѣто ти, посестримите ти, та ядат бяла кокошка, бяли каменъне играят! [...приходи в лес пустой, пустуший и дремучий... Там стоит ста-а-а-рая-старая мельница — заброшенная! Там твой отец, твоя мать, твои сестры, твои братья, твои подруги едят белую курицу, играют в белые камни.] [26, № 208]. В русских текстах указание на привлекательность для болезни свойств локуса отгона в параллелистических формулах отмечено в единичных примерах: *Чистое поле, зеленые луга, золотые берега*, где птица не пролетает, зверь не пробегает, люди не проходят [23, № 113].

Специфика лексем глагольных рядов обуславливает особенности вариантов их соотношения в частях параллелистической формулы: ГР (макромиры: мир природы, мир православный, мир преисподней, мир болезни) — ГР (микромир человека).

В русской традиции в представлении мира природы и мира человека доминирует формула соотношения глаголов движения и бытия с отрицательной частицей *не* ГР 1 (мир природы) — 1 (мир человека): ...где люди *не ходят* и скот *не бродит* [23, № 168]. Частотной является формула представления природного мира с использованием глаголов звуковых воплощений домашних животных, а мира человека с использованием глаголов движения и бытия ГР 7 — 1: ...где люди *не ходят*, собаки *не лают* [23, № 161]. Отмечены примеры представления в формуле природного мира с использованием глаголов движения и бытия, а мира человека с использованием глаголов физического действия и взаимодействия ГР 1 — 4: ...где ветер *не веет*, ...человек топором *не рубит* [23, № 101].

В болгарской традиции детализация в мире человека глаголов физического действия и взаимодействия и частотность в мире природы звуковых воплощений его представителей обуславливают многообразие формулы ГР 7 — 4: ...дету сж млади *ни венчавжт*, дету дъаца *ни кржшавжт*, дету куче *ни лаа*, дету пител *нипеа*, дету куза *ни врьаскж*. Дету офца *ни блеа*, дету бик *ни реве* [...где молодых *не венчают*, где детей *не крестят*, где собака *не лает*, где петух *не поет*, где коза *не верещит*, где овца *не блеет*, где бык *не мычит*] [26, № 171]. Распространенной является формула соотношения глаголов движения и бытия в представлении обоих миров ГР 1 — 1: ...дето не може човъак да *иде*, пиле да *кацне* и дивъач да *живее* [...где человек *не ходит*, птица *не сидит* и дикие звери *не живут*] [26, № 184]. Реже ГР — 0 (лексема *нет*): ...къде лъудье *нема*, къде пиле *нема* [где людей *нет*, где цыплят *нет*] [26, № 21].

Менее частотна формула представления природного мира с использованием глаголов звуковых воплощений домашних животных, а мира человека с использованием глаголов движения и бытия ГР 7 — 1: ...дека пиле *ни пее*, дека куче *ни лае*, дека човек *ни оди* [...где птичка *не поет*, где собака *не лает*, где человек *не ходит*] [26, № 206]. Кроме того, отмечены формулы с использованием для репрезентации мира природы или мира человека лексем двух ГР — сочетание в природной картине глаголов движения и звуковых воплощений животных, в человеческой параллели глаголов движения и физического действия, что подчеркивает при отрицании указанных действий максимальную антидинамичность объектов в локусе отгона: ГР 1,7 — 4 ...дето петли *непеіат*, дето кучета *нелаіат*, дето пилета *неведжт*, дето джрвета *не никнат*, дето вода *нетече*, тамо, дето слжнце и месечина *негреіат* [...где петухи *не поют*, где собаки *не лают*, где кур *не разводят*, где деревья *не растут*, где вода *не течет*, туда, где солнце и месяц *не греют*] [26, № 1]; ГР 7 — 1,4: ...дето куче *не лае*, дето петел *не пяе*, дето овчар *не ходи*, дето клепало *не бие* [...где собака *не лает*, где петух *не поет*, где чабан *не ходит*, где клепало *не бьет*] [26, № 170].

Сопоставление перевернутого мира и мира человека в русских заговорах находит свое воплощение в формуле ГР — 0: Тут тебе, болезнь, не жить, тут тебе, болезнь, не быть. Тебе жить, тебе быть под зеленым дубом, где солнце не греет, где месяц не светит, где ветер не веет, ручей не бежит, *где кум с кумой (черт с чертихой, дьявол с дьяволицей), где брат с сестрой* [23, № 3]. В болгарской традиции отсутствуют маркеры преисподней.

Сопоставление православного мира и мира человека доминирует в болгарской традиции и занимает маргинальное положение в русских заговорах. В болгарской традиции *представители православного мира присутствуют и активно действуют* в месте отсылки. Зафиксированы формулы сочетания глаголов физического действия в представлении православных персонажей и нулевого ГР в репрезентации человека ГР 4 — 0: Тамо има добжр јунак с вран кон, с синьо седло, с срамница капа, с зелен венец; тамо іе Божья маіка; *свадба запрвила* [Там добрый молодец на вороном коне, на синем седле, в парчовой шапке, в венке зеленом; Там и Матерь Божья *свадбу играет*] [26, № 234], глаголов физического действия в обеих частях ГР 4 — 4: ...каі шчо рабоі *не ткае*. Таму има седумдесе апостоли, тиіа кѣ ти *измет чинат*, тиіа диван кѣ *чинат*. [...где стан *не ткет*. Там семьдесят апостолов, тех, которые *служить* тебе *будут*...] [26, № 204]. В русских заговорах отмечена формула сопоставления глаголов восприятия в репрезентации православного мира и глаголов бытия в представлении мира человека ГР 3 — 1: ...на нейже человек *не обитаеъ*, а Богъ единъ *презираеъ* [20, 209, № 46]. Сопоставление

православного мира и мира природы отмечено только в болгарских заговорах. Выявлены несвойственные русской традиции формулы сопоставления природного мира с глаголами бытия и православно-го мира с нулевым глагольным рядом ГР 1 — 0: ... *дету слънци ни изгръава, дету гадини ни одъят. Там и Съжта Врачови и Кузман Дамъан* [...где солнце не греет, где живые существа не ходят. Там Святой Целитель и Кузьма Дамиан] [26, № 13]. В обеих традициях образы Бога, святых, православных служителей и родственников болезни не размещаются в зависимых конструкциях формулы «где... не...», а их действия репрезентируются без отрицания.

В целом свойственная болгарской традиции привлекательность локуса отгона в наполненном мире с представителями мира природы, мира человека, православного мира и мира болезни, в отличие от мира пустого, лишённого признаков жизни, репрезентируется вне зоны зависимости, без отрицания и является показателем установления дипломатических договоренностей с болезнью [28, № 410].

В параллелистической формуле привлекают внимание три свойственные обеим традициям особенности характеристики места отсылки: качества пустого и наполненного миров представлены в их максимальном воплощении, отсутствует «золотая середина»; мир пустой детализируется отрицаемыми данными макро- и микромиров, а мир наполненный чаще репрезентирован без параллелизма с привлечением объектов микромира (артефакты), реже — с использованием параллелизма макро- и микромиров без отрицания их репрезентантов; средний мир автономен в структуре параллелизма (природный и человеческий компоненты сочетаются друг с другом), не-свои верхний и нижний миры вступают в параллель только со средним миром и никогда не формируют параллели между собой.

Квантитативный показатель репрезентаций различных миров (количество сопоставляемых параллелей того или иного мира) в формуле параллелизма характеристик локуса отгона в целом выявляет в обеих традициях доминанту символического мира, большее количество символических характеристик обуславливает и их содержательное разнообразие, и их концептуальную исчерпанность. В обеих традициях выявлены симметричные и асимметричные модели соотношения частей параллелистической формулы.

Русские и болгарские заговоры содержат одинаковый набор симметричных моделей (1:1; 2:2). 1:1 ...*где солнце не всходит, где человек не проходит* [19, № 2260]; ... *дету фтичка ни пей, дето чувек не оди* [...где птички не поют, где человек не ходит] [26, № 14]; 2:2 ...*где ветер не веет, где солнце не греет, девка косой не машет, человек топором не рубит* [23, № 101]; ...*дето човек не ходи, дето петел не пяе, дето куче не лае, дето овчар не ходи!* [...где человек не хо-

дит, где петух не поет, где собака не лает, где чабан не ходит!] [26, № 208].

Наборы асимметричных моделей отличаются большим разнообразием, но в обеих традициях наиболее распространенными являются модели 2:1 и 3:1, другие встречаются в единичных примерах. 2:1 ...*где люди не ходят и кони не бродят, и птица не летает* [20, 215, № 82]; ... *дека пиле ни пее, дека куче ни лае, дека човек ни оди* [...где птичка не поет, где собака не лает, где человек не ходит] [26, № 206]; 3:1 ...*где солнце не нагревает, где люди не ходят и не бывают, где птицы не летают, где звери не заходят* [21, № 128]; ...*дека овци не блеят, дека кози не врешат, дека іагенца не блеят, дека моми оро не играят* [...где овцы не блеют, где козы не верещат, где ягнята не блеют, где девки хоровод не водят] [26, № 234].

В русских заговорах доминируют симметричные модели соотношения частей параллелизма, в болгарских — асимметричные. Асимметрия в обеих традициях выстраивается с преобладанием символического мира. Природный мир доминирует как по количеству и разнообразию асимметричных моделей, построенных с преобладанием природных образов, так и по максимальному числовому показателю природных образов в асимметричных формулах. В контексте характеристики места отсылки природный мир объективно отличается существенным многообразием, которое должно быть унифицировано в аспекте антипроцессуальности как результата нейтрализации и уничтожения болезни (формула 9:4 [28, № 412]).

В русских и болгарских лечебных заговорах параллелизм характеристик играет роль своеобразного идентификатора и указывает на критерии соответствия того или иного места определенным, зафиксированным параллелизмом свойствам, на возможность выполнения им функции особого локуса отгона болезни. По сути не столь важно, куда отсылается болезнь, самое главное, чтобы это место обладало теми константными свойствами, которые традиционно представляет параллелистическая формула как гарант ожидаемого результата.

В семиотическом плане формула параллелизма в обеих традициях обобщает *сходные признаки различных локусов как однотипные знаки*, выполняя в тексте функцию репрезентанта *инвариантного места отсылки болезни и неизбежной ее гибели («небытия»)* или *«бытия в другом виде»*. В концептуальном отношении в русских заговорах доминирует идея уничтожения болезни, а в болгарской традиции не менее актуальна идея ее «бытия в другом виде». В онтологическом аспекте в обеих традициях неопределенность и неизведанность локуса в параллелистических формулах компенсирована развернутым и систематизированным знанием сущностных характеристик места отсылки болезни, значимых

параметров того мира, откуда она никогда и ни при каких обстоятельствах не вернется в мир человека. Стабильные характеристики демонстрируют многоуровневое соотношение миров и специфику детально организованного мироустройства, *узаконенное традицией отношение различных миров к локусу отсылки болезни* (исключение мира природы и мира человека, православный мир призывает или помогает, включенность или отсутствие «перевернутого» мира). В обеих традициях целенаправленное и упорядоченное структурирование мироустройства есть главный способ его гармонизации. Параллелизм как инструмент установления искомой гармонии является способом преодоления (нейтрализации) негативных для человека свойств локуса изгнания: хаотичности (упорядочивает мироустройство), безличности (выявляет характерные признаки) и негативной экспрессивности (нивелирует отсутствие знания, проясняет сущностные характеристики локуса).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира / Т. А. Агапкина. — М. : Индрик, 2010. — 824 с.
2. Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Репринт / Н. Познанский. — М., 1995. Познанский Н. Заговоры Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / Н. Познанский. — Петроград : Типография Д. В. Орлова, Вас. Остр., Средний пр., д. 6, 1917. — 352 с.
3. Олупе Э. Формула уничтожения в латышских заговорах / Э. Олупе // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. — М. : Наука, 1993. — С. 128–139.
4. Свешникова Т. Н. Структура восточнороманского заговора в сопоставлении с восточнославянским (формула отсылки болезни) / Т. Н. Свешникова // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. — М. : Наука, 1993. — С. 139–149.
5. Вельмезова Е. В. Семантика пространства лечебного заговора: к типологии формул отсылки болезни (на примере восточнославянских, чешских и французских текстов) / Е. В. Вельмезова // Вестник МГУ. — Серия 9. Филология. — 1999. — № 4. — С. 50–60.
6. Вельмезова Е. В. Семантика пространства чешского лечебного заговора: формулы отсылки болезни / Е. В. Вельмезова // Живая старина. — 2000. — № 1. — С. 35–36.
7. Агапкина Т. А. Эпитеты в белорусских лечебных заговорах: функции и семантика / Т. А. Агапкина // Признаковое пространство культуры / Отв. Ред. С.М. Толстая. — М. : Индрик, 2002. — С. 301–337.
8. Агапкина Т. А. Сюжетный состав восточнославянских заговоров (мотив мифологического центра) / Т. А. Агапкина // Заговорный текст. Генезис и структура. — М. : Индрик, 2005. — С. 247–291.
9. Амроян И. Ф. Абстрактные модели связной речи как структурообразующие модели заговорного текста / И. Ф. Амроян // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2004. — № 11. — С. 113–117.
10. Амроян И. Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов) / И. Ф. Амроян. — М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. — 296 с.
11. Небжеговская-Бартминская С. Шла болячка с бо-лентина... Концептуализация болезни в польском языке и в польских народных заговорах / С. Небжеговская-Бартминская // Заговорный текст. Генезис и структура. — М. : Индрик, 2005. — С. 309–325.
12. Квилинкова Е. Н. Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов / Е. Н. Квилинкова. — Ch.: «Elan INC» SRL, 2010. (Tipogr.«Elan Poligraf» SRL). — 390 p.
13. Панина Т. И. Магия слова в народной медицине удмуртов: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.01.09 / Татьяна Игоревна Панина; Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. — Ульяновск, 2012. — 27 с.
14. Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро / Д. Канеман. — М. : АСТ, 2016. — 704 с.
15. Доброва С. И. Особенности параллелизма константных и переменных компонентов в заговорной формуле отсылки болезни / С. И. Доброва // Фольклорный текст в современном культурном контексте: традиция и ее переосмысление. Сборник статей по материалам международной научной конференции. — Кафедра русской литературы XI–XIX веков Института филологии, 2016. — С. 6–17.
16. Артеменко Е. Б. Принципы народно-песенного текстообразования. Монография / Е. Б. Артеменко. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. — 173 с.
17. Доброва С. И. Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия. Монография / С. И. Доброва. — Воронеж : ВГПУ, 2004. — 175 с.
18. Улуханов И. С. Презреть — презирать / И.С. Улуханов // Русская речь. — 2014. — № 6. — С. 102–109.

ИСТОЧНИКИ

РУССКИЕ ЗАГОВОРЫ

19. Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953 — 1993 гг. / Под ред. В. П. Аникина. — М. : Изд-во МГУ, 1998. — 480 с.
20. Заклинания, наговоры, обереги // Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии / Собр. П. С. Ефименком. — М.: Типо-лит. С. П. Архипова и К^о, 1878. — Ч. 2. Народная словесность. — С. 139–222.
21. Майков Л. Н. Великорусские заклинания / Л. Н. Майков. — СПб. : Тип. Л. Майкова, 1869. — 164 с.
22. Заговоры и заклинания Пинежья / Вступ. ст., подг. текстов, комм. А. А. Ивановой. — Карпогоры : Пинежская тип., 1994. — 59 с.
23. Проценко Б. Н. Заговоры, обереги, поверья, приметы: духовная культура донских казаков / Б. Н. Процен-

ко. — Ростов н/Д : Феникс, 2010. — 283 с.

24. Русские заговоры / Сост. предисл. и примеч. Н. И. Савушкина. — М. : Пресса, 1993. — 368 с.

БОЛГАРСКИЕ ЗАГОВОРЫ

25. Амроян И. Ф. Сборник болгарских народных лечебных заговоров / И. Ф. Амроян. — М., 2012. — 332 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Добрава С. И., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: svetdobr@mail.ru

26. Амроян И. Ф. Сборник болгарских народных заговоров / Сост., пред. и комм. И. Ф. Амроян. — Тольятти : ТГУ, 2005. — 138 с.

27. Сборник за български народни умотворения и книжнина. — Т. 1-60. — София, 1889-1994.

28. Тодорова-Пиргова И. Баяния и магия / И. Тодорова-Пиргова. — София, 2003. — 558 с.

Voronezh State Pedagogical University

Dobrova S. I., Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Theory, History and Methods of the Russian Language and Literature Teaching Department

E-mail: svetdobr@mail.ru